

Для Штангергиссера цель любой дискуссии состояла в том, чтобы ни один из ее участников не подумал, что Штангергиссер – дурак. С этой целью он принимал участие решительно в любом разговоре, даже если тот не касался ни его самого, ни сферы его интересов. Иначе люди могли бы решить, что Штангергиссеру нечего сказать.

В том случае, когда Штангергиссер действительно разбирался в теме лучше других, он стремился вытеснить диалог собственным монологом и излить на окружающих водопады фактов и парадоксов, подспудно подпывая слушателей: «Помилуйте, да как можно не знать таких элементарностей? Да каждый уважающий себя эрудит должен выучить это назубок! Назубок, как “Отче наш”!..»

Если Штангергиссер и его оппонент оказывались примерно на одном уровне, Штангергиссер пытался отыскать у соперника какие-нибудь личные слабости. Он бил по ним исподтишка, как бы потопляя неповоротливого рыцаря, который наивно держался системы правильной аргументации, не замечая, как в своих блестящих, но тяжелых латах все глубже увязает в трясине. Тогда Штангергиссер лез на него сверху и держал свою голову хоть чуть-чуть, да над водой.

А если случалось так, что Штангергиссеру и во все нечего было сказать о предмете дискуссии (например, о ядерной физике, молекулярной биологии,

воспитании детей или приготовлении обеда из трех блюд), то он объявлял оный предмет ничтожным и не стоящим обсуждения. Как правило, его враги бывали обескуражены, так как беззаветно верили в общечеловеческую пользу ядерной физики и полноценных обедов (допустим, враги состояли из физика-ядерщика или собственной штангергиссеровской мамы) и силились выдвинуть аргументы в защиту своих компетенций. Но Штангергиссер не устаивал их вниманием. Он ловко перебивал оппонентов в том месте, где они брали дыхание, и просто начинал развивать какую-нибудь другую тему, хорошо ему знакомую. И снова блистал.

В крайнем случае Штангергиссер прибегал к последнему, смертоносному оружию. И вот как он это делал.

Представим ситуацию: академики Койфман и Кушнирович обсуждают монографию профессора Клаузнера, посвященную древнеримским акведукам, а Штангергиссер стоит рядом с ними и увлеченно разглядывает окно. Речь академика Койфмана струится, как поток в каменном трубопроводе, торопясь передать его умозаключения академику Кушнировичу, но в какой-то момент ему хочется взять риторическую паузу между двумя императорами. Тут-то Штангергиссер поворачивается к нему с грустной улыбкой и говорит: «Люблю нашу русскую интеллигенцию! Какой убогой была бы наша жизнь без милых, оторван-

Фразу он не заканчивает, а только грустно улыбается. В этом и состоит прием. Озадаченные конкуренты не подозревают, что уже смертельно отравлены, но Штангергиссер знает это наверняка...

ных от жизни кабинетных рыцарей, живущих в своей Касталии, в башне из слоновой кости... Но если смотреть на то, как вещи устроены на самом деле...»

Фразу он не заканчивает, а только грустно улыбается. В этом и состоит прием. Озадаченные конкуренты не подозревают, что уже смертельно отравлены, но Штангергиссер знает это наверняка...

Он знает, что когда Койфман и Кушникович придут домой, его фраза все еще будет зудеть у них в ушах. Они начнут сомневаться, и мучиться, и спрашивать себя о том, как же вещи устроены на самом деле, и сравнивать себя с «людьми дела», такими как кассирши в магазине «Магнит» или районный сантехник Жора, и к вечеру с горечью признают, что кассирши и сантехники несомненно лучше, полезнее них, специалистов по арамейскому языку и римской колонизации. Кто знает? Может быть, один из них даже забросит науку и станет плохим риелтором, чтобы вместо башен из слоновой кости заняться вполне реальными квадратными метрами. Пройдет совсем немного времени, прежде чем эти маленькие люди, морально побежденные Штангергиссером, срезанные им, как бичом, поймут свое настоящее место...

Так Штангергиссер прослыл очень умным человеком.

